

БЪЛГАРИТЕ В СЕВЕРНОТО ПРИЧЕРНОМОРИЕ

ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМ ДЕСЕТИ

ПОИСКИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ КОРНЕЙ:

П. М. БИЦИЛЛИ И А. М. КЛИТИН

Олег Дёмин

Конец XX — начало XXI столетия войдет, возможно, в историческую науку нового национального пространства бывшего Советского Союза как «историографический ренессанс». Ведь в это время были зафиксированы достаточно типичные для Возрождения явления в сфере развития историографии. В первую очередь, наглядно и непосредственно проявилось обращение к классикам исторической науки. Многочисленные публикации европейских, российских, украинских историков XIX — начала XX ст. воспринимались как возрождение классических образцов для изучения и подражания. Вторым моментом стало повсеместное возрождение национальных языков, отказ от русского как общеупотребительного языка исторической науки. Не менее важной составляющей «историографического ренессанса» явилась гуманизация или антропологизация истории, то есть приоритет изучения культурного механизма социального взаимодействия, причем не в рамках метасообществ, а, прежде всего, на уровне отдельной личности или групп. Наиболее выпукло все эти процессы представлены, в первую очередь, на постсоветском и постсоциалистическом пространстве Восточной Европы, хотя отдельные характерные черты самого явления присущи и Западной Европе.

В русле ренессансных тенденций закономерным выглядит повышенный интерес к личности и творчеству Петра Михайловича Бицилли. Это объясняется не только многолетним предыдущим забвением тех историков, в том числе и П. М. Бицилли, которые эмигрировали из России в годы гражданской войны и оказались в зарубежных университетах, но и актуальностью, и привлекательностью его работ для европейской историографии. Исследования П. М. Бицилли вдруг оказались в исследовательском поле поисков европейских и американских историков, направленных на преодоление господствовавших долгое время всеохватывающих парадигм марксистского и структуралистского направления, и создания новых путей развития исторической науки.

Публикация трудов П. М. Бицилли, появление уже значительного количества посвященных ему работ украинских, российских, болгарских историков существенно расширили современные представления и знания о личности российского историка, его творческой и научной биографии. Вместе с тем, многие вопросы «бицилловедения» все еще остаются нерешенными, требуют дальнейших исследовательских поисков.

Среди проблем одесского периода П. М. Бицилли, связанных с выяснением эволюции творческого пути и поисками историографических корней ученого ключевое место занимает вопрос о влиянии на начинающего историка университетских преподавателей. В конечном итоге, речь идет об отнесении одесского историка к той или иной историографической школе.

В современной российской историографии сформировалось представление о том, что П. М. Бицилли примыкал к петербургской школе медиевистов.¹ Основанием это послужили определенная общность идей и интересов петербуржцев и молодого одесского историка, а также защита П. М. Бицилли в Петроградском университете в 1917 г., на которой официальным оппонентом выступил основатель петербургской медиевистической школы И. М. Гревс.

Более осторожно высказывается по этому поводу одесский исследователь Т. Н. Попова и ее ученики И. В. Максименко и Д. А. Шумейко.² С их точки зрения, П. М. Бицилли испытал влияние одесских профессоров Э. Р. фон Штерна, Е. Н. Щепкина, В. Э. Крусмана и представителей (не расшифровывая каких — О. Д.) Санкт-Петербургской культурологической школы медиевистов во главе с профессором И. М. Гревсом. И вместе с тем, подчеркивается особая роль В. Э. Крусмана, который пришел в Одессу из Санкт-Петербурга, «заинтересовал П. М. Бицилли историей итальянской культуры», заявлял о своей близости к петербургскому научному направлению и, главное, консультировал своего одесского коллегу во время написания им магистерской диссертации.³ Параллельно с этими оценками, те же авторы говорят и о достаточно самостоятельном, длительном, сложном поиске П. М. Бицилли своей исследовательской ниши.

Такая неопределенность вызвана, в первую очередь, казалось бы четко выраженным разрывом исследовательской проблематики П. М. Бицилли с кругом научных интересов его одесских предшественников. К началу XX в. в исторических исследованиях профессуры Новороссийского университета французская проблематика занимала приоритетное место. С начала XX в. постепенно стали появляться работы по истории Англии, Германии, скандинавских стран.⁴ Однако историей Италии никто из преподавателей кафедры всеобщей истории не занимался. Вероятно, именно вследствие такой прозрачности кафедральной научной проблематики так достаточно сложно сразу определить место П. М. Бицилли в сообществе одесских историков.

Однако, если изучить проблематику исследований профессоров других кафедр университета, то окажется, что средневековой историей Италии

занимался профессор кафедры богословия Александр Михайлович Клитин. Известно о нем чрезвычайно мало: публикации о его жизни и деятельности практически отсутствуют, имеющиеся содержат неточности, а в работах по истории Новороссийского университета почти такое же отсутствие упоминания его имени.⁵

Более полно биографические данные А. М. Клитина восстанавливаются на основании архивных материалов. Родился он 21 октября 1860 г. в семье священнослужителя в г. Белом Смоленской губернии. После окончания в 1880 г. Смоленской духовной семинарии, он сразу поступил в Московскую духовную семинарию. Получив в июне 1884 г. степень кандидата богословия, А. М. Клитин приступил к работе в Севском духовном училище в должности учителя греческого языка.⁶ В феврале 1889 г. в г. Сергиев Посад, в совете Духовной академии он защитил магистерскую диссертацию по богословию «Подлинность посланий Св. Павла к Тимофею и Титу». Оппонентом по диссертации выступал Андрей Петрович Смирнов.⁷ С мая 1889 г. преподавал догматическое и нравственное богословие в Киевской духовной семинарии. С весны 1893 г. настоятель церкви Владимирского Киевского кадетского корпуса и законоучитель корпуса. В этом же году рукоположен в священники. В октябре 1900 г. А. М. Клитин был назначен профессором богословия Новороссийского университета. Кроме университета, преподавал закон божий в Ришельевской гимназии, с 1903 г. был профессором богословия женских педагогических курсов. Принял сан протоиерея в 1906 г. В 1914 г. был оставлен на должности профессора университета еще на пять лет. В 1892 г. получил орден св. Станислава 3-й степени, в 1910 г. — св. Анны 3-й степени, а в феврале 1917 г. был представлен к ордену св. Владимира 4-й степени. На церковном поприще награжден набедренником, скуфьей, камилавкой, наперсным крестом.⁸ Судьба А. М. Клитина после 1917 г. пока неясна.

В Государственном архиве Одесской области сохранился личный фонд А. М. Клитина, оформленный в феврале 1937 г. Из первоначально существовавших шестнадцати дел, сохранилось тринадцать. Два документа — письма А. М. Клитина к жене, сохранившие интересные подробности защиты магистерской диссертации.⁹ Остальные материалы представляют собой рукописи лекций и черновики научных работ.

Только три материала имеют датировку началом XX в. «Лекции по православно-христианскому нравственному богословию» четко датированы 14 февраля — 15 октября 1901 г. Две другие рукописи лекций «Религиозное движение в Италии в XI-XII вв.» и «Религиозное движение в Италии в XII — XIII вв.» в описи записаны под 1902 г., хотя в самом тексте отсутствуют какие-либо указания на время их написания.

Все остальные материалы не содержат прямых датировок. К ним относится: лекция «Иоахимизм до 1254 г.», лекция по истории инквизиции, черновики рукописей, скорее всего, статей «Мистика средних веков», «Чаяния

конца света в Италии в XIII и XIV вв. и иоахимизм», «Пророчества в ожидании конца мира в XIII веке», «Восточный вопрос с русской точки зрения», выписки из латинских авторов по истории религиозного движения в Италии в XI — XII вв., список с письма «Об ожившей страдальце в 1834 г.», выписок из журнала Сионский вестник за 1817 г.¹⁰

Наибольший интерес и по содержанию, и по возможности датировки имеет рукопись «Чаяния конца света в Италии в XIII и XIV вв. и иоахимизм», насчитывающая 83 страницы. В отличие от других материалов внешне она имеет вид почти завершенной работы, с некоторыми повторами и с небольшими по объему и количеству вставками. Учитывая, что при написании текста автор использовал чистые оборотные листы уже использованной бумаги (вероятно, ощущался ее недостаток) есть возможность установить время ее создания. А. М. Клитин писал, в основном, на бумаге имевшей с одной стороны штамп Афонского подворья Русского Пантелеймонова монастыря в Одессе или Благотворительного общества Дам духовного звания Херсонской епархии при Одесском кафедральном соборе. Преобладает бумага с напечатанным текстом, содержащим просьбу оказать содействие сбору (вероятно, денег — в тексте не указано) на сооружение столовой, устраиваемой Благотворительным обществом Дам духовного звания Херсонской епархии. Но среди «оборотов» есть две датированные бумаги. Одна на бланке Афонского подворья была адресована протоиерею Василию Антоновичу Флоровскому с сообщением о пожертвовании денег на епархиальный лазарет и имела исходящую дату 30 июня 1916 г. Вторая — на бланке Благотворительного общества содержала сообщение о получении отношения главноуполномоченного южного района Российского Общества Красного Креста от 16 ноября 1916 г.¹¹ Исходя из этого, текст может быть датирован временем не ранее середины 1916 г. Скорее всего, именно тяготами военного периода и объясняется использование оборотной стороны листа.

Таким образом, над проблемами средневековой Италии А. М. Клитин работал в течении длительного времени, по крайней мере, с 1902 г. по 1916 г. То есть, А. М. Клитин начал работу над новыми для себя сюжетами где-то сразу по приезду в Одессу. Скорее всего, это оказалось связанным с университетской учебной нагрузкой, с необходимостью читать обязательные, в том числе, и специальные курсы. Летом 1903 г. он уезжал в заграничную командировку, что существенно расширило его знания по истории христианства и средневековой Италии. Это видно по библиографии, особенно немецкой, приводимой в его ранних рукописях. Особый интерес А. М. Клитина вызывали проблемы иоахимизма и другие, близкие по тематике вопросы развития христианства и роли религии в истории Италии XI — XIV вв.

Однако, собранный А. М. Клитиним материал так и не был доведен им до стадии публикации. Представляется, что это могло быть связано, не в последнюю очередь, с первостепенным значением в его учебной и на-

учной деятельности курса богословия. С первых лет работы в университете А. М. Клитин начал издавать материалы к этому курсу. Уже в 1901 г. в «Записках Императорского Новороссийского университета» появилась работа «Отношение богословской науки к всемирным задачам богочеловечества», а в 1902 г. — «Курс богословских знаний в его основных положениях».¹² За этим последовали другие публикации подобного рода.

Какая же связь могла существовать между профессором А. М. Клитиним и студентом, а затем и коллегой П. М. Бицилли. Прежде всего, во всех рукописях А. М. Клитина, посвященных истории Италии, присутствуют упоминания о хронике Салимбене Пармского. Так уже в черновике 1902 г. «Лекции о религиозном движении в Италии в XI-XII вв.» он очень высоко оценивал достоинства хроники. Обращая внимание на осторожность, которая необходима при работе с материалом хроники, он считал, что ее можно использовать совершенно свободно «для знакомства с настроением интересующей нас группы», а сведениям об иоахимитам в значительной степени можно верить.¹³ Поэтому более чем вероятно, П. М. Бицилли впервые мог услышать имя Салимбене еще на студенческой скамье именно на лекциях А. М. Клитина.

Более чем вероятно можно говорить о их личном знакомстве, по крайней мере, в десятые годы XX в. В университете насчитывалось не так уж много преподавателей и, несмотря на разницу в двадцать лет, они должны были знать друг друга. Тем более, что П. М. Бицилли стал заниматься западным христианством, а А. М. Клитин, несомненно, был одним из немногих в Одессе, кто мог дать ему действенную научную консультацию.

Но кроме этого, у них был и общий круг знакомых. На экземпляре книги П. М. Бицилли «Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII в.»,¹⁴ принадлежащей областной научной библиотеке имени имеется дарственный надпись «Многоуважаемой Клавдии Васильевне Флоровской от автора». К. В. Флоровская была дочерью кафедрального протоиерея Преображенского собора Одессы В. А. Флоровского, сестрой двух будущих известных ученых Г. В. Флоровского и А. В. Флоровского, ученицей П. М. Бицилли.¹⁵ О непосредственном общении А. М. Клитина и протоиерея В. А. Флоровского говорит уже цитированное письмо сохранившееся на обороте одного из листов рукописи А. М. Клитина.

Однако, это все косвенные свидетельства возможного общения двух одесских авторов. Между тем, в рукописях А. М. Клитина несколько раз упоминалась фамилия «Бицилли». В тексте «Лекции о религиозном движении в Италии в XII — XIII вв.» на странице 13 уже написанной лекции и совсем другими по цвету чернилами сделана приписка к библиографической ссылке одной фамилии «Бицилли», но без названия работы и указания страницы.¹⁶

Такая же глухая отсылка к фамилии «Бицилли» присутствует и в рукописи «Чаяния конца света в Италии в XIII-XIV вв. и иоахимизм». В третьем разделе работы «Иоахимизм первой половины XIII в. (до Вечного евангелия)»,

там, где говорится о знакомстве Салимбене с учением иоакимизма благодаря рукописям сочинений Иоахима, переданным в Пизанский монастырь францисканцев аббатом монастыря флорийского ордена дается ссылка на сам текст хроники, а затем делается приписка «См. Бицилли. Салимбене, стр.», причем фамилия Бицилли подчеркнута. Через несколько страниц, подчеркивая отсутствие в тексте хроники Салимбене упоминаний о преследовании иоакимитов со стороны церкви А. М. Клитин вновь сделал ссылку, подобную первой, но, не подчеркнув фамилию.¹⁷ Вся ссылка писалась одним чернилом, и, скорее всего, в одно время.

Это может свидетельствовать как о знакомстве А. М. Клитина с рукописью книги П. М. Бицилли, так и о прочтении этой книги ранее написания рукописи «Чаяния конца света...» и отсутствия самой книги в момент работы над текстом. Несомненно одно, два исследователя работали в одном университете по близкой проблематике, но это почти никак достаточно определено не отразилось ни в материалах П. М. Бицилли, ни в рукописях А. М. Клитина.

Поэтому ряд можно наметить только ряд предположений. Почему А. М. Клитин не опубликовал написанное? Скорее всего, этому помешали обстоятельства его личной жизни. В декабре 1908 г. неожиданно умер его первый ребенок сын Борис, который учился на втором курсе физико-математического факультета Новороссийского университета и подавал большие надежды. А. М. Клитин, который необычайно сильно любил детей, очень тяжело переживал утрату сына, даже издал в его память книгу,¹⁸ просто не мог долго заниматься научной работой.

С достаточной вероятностью можно предполагать, что их знакомство состоялось еще в студенческие годы П. М. Бицилли. Оно возобновилось, но уже в новом качестве П. М. Бицилли — преподавателя университета. Возможно и рецензия П. М. Бицилли на книжку Л. П. Карсавина, опубликованная в «Известиях Одесского библиографического общества» в 1913 г. была не случайной. Однако следующая публикация П. М. Бицилли «Западное влияние на Руси и начальная летопись», которая появилась в 1914 г. ничем не подтверждала заинтересованность автора итальянской историей. Но, скорее всего, именно в 1913-1915 гг. происходило интенсивное общение двух преподавателей университета, в котором А. М. Клитин стремился выступать как наставник и руководитель. Ведь именно в это время, в 1914 г. в «Журнале министерства народного просвещения» появился материал П. М. Бицилли о иоакимизме.¹⁹ Результатом сотрудничества и могла стать идея о работе над книгой «Салимбене». Это не противоречит психологическому портрету А. М. Клитина. Возможно, П. М. Бицилли в чем то напоминал ему сына Бориса, скажем, определенное значение имело то, что молодой историк учился в университете почти в тоже время, что и Борис. Но потом между ними что то произошло, потому что П. М. Бицилли в последующие годы не вспоминал одес-

ского профессора. Впрочем, он очень многое из одесского периода не упоминал в официальных документах.

Как бы то ни было, но можно утверждать, что П. М. Бицилли начинал в Одессе не на пустом месте. Его интерес к итальянской проблематике имел корни в работах профессора богословия Новороссийского университета А. М. Клитина. И таким образом, П. М. Бицилли можно отнести к одесскому исследовательскому пространству, а не к петербургской школе. Этот вывод подтверждает предположение автора этой работы, сделанное еще в 1994 г. о наличии определенной историографической связи П. М. Бицилли и А. М. Клитина.²⁰ Вероятно, наряду с субъективными факторами определенное значение сыграла направленность преподавательской деятельности П. М. Бицилли: ему пришлось вплотную заняться чтением курса истории средних веков. Нельзя исключать и влияние древнеримских интересов первых лет преподавательской деятельности П. М. Бицилли. Ведь он начинал с работ «Тацит и римский империализм» (1912), «Падение Римской империи» (1915). Но в результате П. М. Бицилли создал совершенно самостоятельное, творческое и новаторское произведение, которое стало достоянием одесской историографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Каганович Б. С. П. М. Бицилли и его книга «Элементы средневековой культуры» // Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. — С-Пб., 1995. — С. VIII.

²Попова Т. Н., Максименко И. В. Судьбы ученых: Из истории Новороссийского университета (биоисториографические этюды) // Российские университеты в XVIII — XX веках. — Воронеж, 1999; Попова Т., Шумейко Д. Проблемы медиевистики в творчестве П. М. Бицилли одесского периода // Середньовічна Європа: погляд з кінця XX ст. — Чернівці, 2000. — С. 182; Попова Т. Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета. — Одесса, 2007. — С. 360-366.

³Попова Т. Н. Историография в лицах... — С. 361.

⁴Аппатов С. И., Демин О. Б., Першина З. В. Историческая наука в Одессе за 200 лет // Очерки развития науки в Одессе. — Одесса, 1995. — С. 479-481; Дьомін О. Б. Вивчення історії революцій XVI — XVIII століть в Одеському університеті // Записки історичного факультету ОНУ. — Вип. 16. — Одеса, 2005. — С. 304-314.

⁵Клитин А. М. // Полный православный энциклопедический словарь. — Репринт. изд. — Т. 2. — М., 1992. — С. 137; Аппатов С. И., Демин О. Б., Першина З. В. Указ соч. — С. 479; Клітін Олександр Михайлович. Богослов // Професори Одеського (Новоросійського) університету. — Т. 3. — Одеса, 2000. — С. 63-64.

⁶ГАОО. — Ф.45. — Оп. 4, д. 1344, лл. 26-27.

⁷Там же. — Ф. 170. — Оп. 1, д. 1, лл. 5-5 об.

⁸Там же. — Ф.45. — Оп. 4, д. 1344, лл. 1-29 об.; Клітін Олександр Михайлович. — С. 63 — 64.

⁹ГАОО. — Ф. 170. — Оп. 1, д. 1-2.

¹⁰Там же. — Дд. 3, 4, 5, 8,9, 10, 11, 12.

¹¹Там же. — Д. 9, лл. 10 об., 10а об.

¹²Клитин А. М. Отношение богословской науки к всемирным задачам богочеловечества // Записки Императорского Новороссийского университета. — Т. 83. — Одесса, 1901; Клитин А. М. Курс богословских знаний в его основных положениях // Записки Императорского Новороссийского университета. — Т. 89. — Одесса, 1902.

¹³Там же. — Д. 6, л. 4-5.

¹⁴Бицилли П. М. Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII в. — Одесса, 1902.

¹⁵Попова Т. М. Флоровський Антоній Васильович. Историк // Професори Одеського (Новоросійського) університету. — Т. 4. — Одеса, 2000. — С. 294-296; Флоровський Георгій Васильович. Філософ, богослов // Професори Одеського (Новоросійського) університету. — Т. 4. — Одеса, 2000. — С. 299; Попова Т. Н. Историография в лицах... — С. 367-368.

¹⁶ГАОО. — Ф. 170. — Оп. 1, д. 7, л. 13.

¹⁷Там же. — Д. 9, л. 35, 40.

¹⁸Боря Клитин. Из семейной хроники. — Одесса, 1910.

¹⁹Бицилли П. М. Заметки об Иоакимизме // Журнал министерства народного просвещения. — 1914, октябрь.

²⁰Аппатов С. И., Демин О. Б., Першина З. В. Указ соч. — С. 479.